

ПРОЛОГ

Парк вокруг замка Райли поражал своим размахом и великолепием. Подстриженные кусты образовывали целый лабиринт, в который были искусно вписаны уютные беседки, лавочки, фонтаны и скульптуры. Тенистые аллеи, разбегаясь в разные стороны, могли вывести к длинному каскаду прудов с водопадами или к лесному озеру, к пещере, вырубленной в одинокой скале, или к ажурной белоснежной беседке на лужайке с цветами.

Днем парк казался поистине райскими кущами, а вот ночью, увы, в последние годы приобретал слегка устрашающий вид. Хозяин этих земель, граф Сеймурский, был поклонником новейших изобретений и владельцем Общества артефакторов, потому старинные кованые фонари вдоль многочисленных тропинок венчали не устаревшие газовые светильники, а крупные светочи последней модели. Кристаллы, заключенные в хрустальные сферы, в темное время обретали невероятное сходство со светящимися глазами диких животных, наводя трепет даже на слуг, привычных к этому зрелищу.

Но так было только ночью. Ясным же днем графский парк полнился жизнерадостным гомоном птиц и шелестом листвы, а в самом его сердце на огромной лужайке вздымал тяжелые узловатые ветви трехсотлетний раскидистый дуб, в кроне которого скрывался маленький домик...

— Джеймс! Франческа!

Услышав зов, из густой кроны могучего дерева выглянул взъерошенный мальчишка, осторожно огляделся и нырнул обратно.

— Все равно найдут, — вздохнула Фрэнни, выглядывая в крошечное окошко, из которого было видно лишь колышущуюся на ветру густую темную листву.

День выдался ясный. Свежий ветерок залетал в убежище беглецов, румянил щеки, шептал песни юности и весны. И так обидно было тратить один из солнечных дней на повседневные заботы и занятия с гувернерами. Наверняка завтра тучи вновь заволокут небо, зарядит дождь, в парке станет слякотно и... здравствуйте, унылые холодные стены древнего замка, где так легко затеряться в гулких пустынных коридорах или в комнатах с закрытой чехлами старинной мебелью.

— Джеймс! Франческа! Спускайтесь, я знаю, что вы здесь, — раздался строгий голос Томаса — наставника по фехтованию и верховой езде.

Вздохнув, брат и сестра покинули убежище — за неподчинение вполне могли и выпороть.

— Виконт, вы отвратительно выглядите! — Покрытое глубокими морщинами суровое лицо Томаса выражало негодование. — Ступайте переоденьтесь и извольте явиться к столу. Леди Франческа, найдите Мэри, пусть она займется вами. За побег вы, виконт, получите вечером десять ударов розгами.

— Но мы не слышали... — тихо прошептала Фрэнни, пытаясь защитить брата.

— Что? — Выцветшие от старости светло-голубые глаза Томаса сузились.

— Я все понял, — торопливо ответил Джеймс, сжав губы.

— В таком случае ступайте. У вас десять минут на то, чтобы привести себя в порядок и явиться в обеденный зал. К нам приехали гости...

На памяти Франчески и Джеймса это был первый случай, когда в замок их отца, Эдуарда Кавендиша, графа Сеймурского, прибыло целое семейство: Вильям и Дарлин Кавендиши и их дети — Ричард, которому уже исполнилось десять лет, и шестилетняя Анна. Гости. Событие почти чрезвычайное. До сих пор в Райли редко принимали посторонних, и уж тем более с детьми.

Семья графа, несмотря на высокий статус и богатство, жила очень уединенно. Почему? Кто знает. Однажды Джеймс слышал, как конюх и горничная говорили про какое-то проклятие. Только подробностей узнать не вышло — не помогли ни расспросы, ни библиотека. В книгах ничего не было, слуги яростно все отрицали, а отец и вовсе приказал всыпать сыну двадцать розог за упоминание семейной тайны. Бесстрашная Фрэнни подошла с вопросом к матери, но та разрыдалась, после чего Джеймса выпороли еще раз, даже несмотря на заступничество сестры, в которой родители души не чаяли. Вызнав, где дети услышали о проклятии, граф тем же днем уволил и горничную, и конюха, а с остальными, видимо, провел беседу, потому что с тех пор никто и никогда даже не заикался о страшной тайне, довлеющей над родом Кавендишей.

Джеймс и Фрэнни много фантазировали на этот счет, но ничего определенного до сего дня так и не узнали. Тем сильнее был их интерес к гостям. Мало ли, вдруг кто-то из приезжих проговорится.

Дети понятия не имели, зачем приехал Вильям Кавендиш. Его ведь даже не назовешь родственником: семь поколений прошло с тех пор, как разошлись ветви

семейного древа. Общая фамилия — вот, пожалуй, и все, что их объединяло теперь.

В обеденную залу Франческа вошла, цепляясь за руку брата. Взгляды сидящих за столом обратились к ним. Дети поздоровались и уселись на свои места. Опустили глаза, стараясь до поры не привлекать внимания.

Юного Ричарда Кавендиша посадили рядом с Фрэнни, и девочка избегала даже смотреть на него лишний раз. Ричард тоже не искал общения, но, когда детей наконец отпустили погулять, брат и сестра радостно ухватились за возможность пообщаться с гостем, удрав из-под родительской опеки. Маленькая Анна осталась под присмотром слуг, а потому все благоприятствовало непринужденной беседе, точнее маленькому допросу с пристрастием.

— Правда, что твоя семья снимает дом в Гайд-Вилле и у вас там всего восемь комнат? — спросил Джеймс, стоило им лишь углубиться в парк.

— Возможно.

Ричард смотрел куда угодно, только не на своих спутников. Заметно было, что он не в восторге от навязанного общества.

Фрэнни поморщилась. Кто знает, откуда ее брат успел выведать эту информацию, но, пожалуй, знакомство не стоило начинать подобным образом.

— А зачем вы приехали в Райли? — не унимался Джеймс.

— Не знаю, — соврал гость и посмотрел в сторону, боясь выдать себя.

— А вот и врешь! — уверенно заявил Джеймс. — Ты знаешь, знаешь!

— Может, и знаю, — ответил мальчишка, не спеша ничего рассказывать.

— Так зачем? — спросила Фрэнни.

— Не скажу! Я дал слово отцу. — Дик поджал губы, всем видом выражая готовность хранить тайну и дальше.

— Ну и не надо, — разозлился Джеймс, а потом резко заявил: — Мне слуги сказали, зачем вы приехали! Твоя семья разорена, и ваш отец явился к нам просить денег!

Франческа ахнула и дернула брата за рукав, пытаясь заставить его замолчать.

— Это неправда! — вспыхнул Ричард. — Мы не за этим приехали!

— Говори теперь, — фыркнул вредный мальчишка, не обращая внимания на сестру. — Попрошайки!

— Джеймс! Не надо! — не выдержала Фрэнни.

— Надо! Он ведь поэтому и молчит, что стыдно признаться! — не унимался юный виконт.

— И вовсе мне не стыдно! — Дик сжал кулаки. — Вот тебе правда: ваша семья проклята, и только мой отец может помочь. Он за этим и приехал. Так что не тебе называть меня попрошайкой! Твои родители дадут нам что угодно, если мы спасем леди Франческу.

— Меня?! — испугалась девочка. — От чего вы собираетесь меня спасти?

Сообразив, что проговорился, Ричард побледнел и замолчал.

— Ну! Отвечай! — тут же потребовал Джеймс. — От чего ты собираешься спасти мою сестру?

Дик молчал, сжав губы в тонкую полоску. Его светло-голубые глаза стали как две льдинки, а густая тень от деревьев подчеркнула высокие скулы и тяжелый подбородок, придав мальчишке вид агрессивный и мрачный. Виконт выглядел не лучше. Стало ясно: еще немного, и эти двое подерутся, и тогда Джеймсу несдобровать. Фрэнни поняла, что нужно действовать. Вздохнув, она встала между мальчишками, взяла Дика за руку

и спросила, испуганно глядя на него своими большими красивыми глазами:

— От чего меня нужно спасать? Ричард, скажите нам, пожалуйста. Мы сохраним это в тайне. Я обещаю и за себя, и за брата.

Франческа, как и ее брату-близнецу Джеймсу, было всего девять лет, но она хорошо знала, насколько сокрушительно действует на взрослых ее доверчивый взгляд. Умение изображать трогательного ангела нередко помогало Фрэнни спасти брата, уговорив родителей не наказывать его за тот или иной проступок. А если этот взгляд действует на взрослых, то, может, сработает и на сверстнике?

Ричард хотел отдернуть руку, но вколотенные отцом и внушенные дядей принципы не позволили обидеть девочку. К тому же Фрэнни выглядела совсем маленькой и беззащитной — худенькая, какая-то тонкая и хрупкая, с большими темно-синими глазами на благородно-бледном, не знавшем солнца лице.

— Вам не рассказывали о проклятии? — Дик сделал вид, будто не замечает Джеймса.

— Нет, — ответила Фрэнни, заведя руку за спину и незаметно показав брату кулак, чтобы не лез.

— Я слышал эту легенду, ее многие знают... среди Кавендишей, — нехотя признался Дик. — Ваш предок, Томас, был наемником. А его младший брат Бартоломео — торговцем.

— Как раз твой предок, — не выдержал Джеймс.

— Да. Мой. — Ричард наградил его уничижительным взглядом. — И он никого не убивал. В отличие от вашего.

— Так что же случилось? — Фрэнни нервно дернула плечиком, злясь на брата-непоседу.

— В те времена в Альбии велось много войн. Прямая королевская ветвь прервалась, корону получил

бастард. Желающих оспорить его права на престол нашлось много, поэтому Кэйн I, прозванный Железной Дланью Господа, часто воевал. Ну и, конечно, ценил верных людей и умелых солдат. Я читал целую книгу про его подвиги, — похвастался Ричард. — Так вот. Сначала Томас, ваш предок, получил рыцарство. Потом, управляясь с врагами короны, стал бароном, а после ему пожаловали титул графа и замок. — Мальчик кивнул в сторону серой громады Райли. — Раньше эти места принадлежали мятежному графу Уордену, который приходился дальним родственником королевской династии и так же, как многие другие, хотел править. У него было большое войско и неприступный замок, осаждать который пришлось бы долго. И тогда король Кэйн пообещал титул и владения тому, кто сможет уничтожить мятежника. Большое войско не смогло бы подойти к замку незаметно, поэтому Томас пустился на хитрость.

— И зачем ты нам это рассказываешь? — опять вмешался Джеймс. — Про Томаса Кавендиша мы знаем лучше тебя: и как он с пятью верными ему наемниками подкараулил графа и взял его в плен, и как велел его людям открыть ворота.

— Людям? — хмыкнул Дик. — Не людям. Жене. Томас держал нож у горла ее мужа. Он велел леди открыть ворота, потом загнать в подземелье слуг и защитников замка — так, чтобы один из наемников все видел и смог засвидетельствовать это своему командиру. Потом вход в подземелье следовало закрыть на ключ и сдать на милость победителя. Томас обещал, что в этом случае отпустит графа и его жену, даже позволит им забрать столько имущества, сколько уместится на двух лошадях. Но леди отказалась предавать своих людей — она знала, что за бунт король прикажет повесить всех: и слуг, и воинов. Тогда Томас Кавендиш на глазах у его жены перерезал графу горло, бросил

тело и скрылся до того, как организовали погоню. Детей у мятежника не было — род пресекался. Люди примкнули к другому претенденту на престол. А леди Уорден бросилась с крепостной стены и разбилась.

— Я даже знаю, где она это сделала, — с гордостью в голосе сообщил Джеймс. — И что с того?

— А то, что леди была из одаренных. Умирая, она прокляла весь ваш род. Всех потомков Томаса Кавендиша. С тех пор у графов Сеймурских... — Ричард осекся и, посмотрев на Фрэнни, замолчал.

— Так что у графов Сеймурских? — спросила девочка.

— Вы учили родословную, смотрели на портреты предков... Не замечали, что в каждом поколении появлялись девочки, которые погибали ровно в четырнадцать лет, зато никто из мужчин-наследников не умирал до того, как оставит потомство, причем хотя бы двух детей — девочку и мальчика?

— И что из этого? — поежилась Франческа.

Дик опустил голову и теперь смотрел только на землю под своими ногами.

— Говорят, будто, умирая, сестры становятся духами-хранителями для своих братьев, — сказал он мрачно.

— Ты хочешь сказать, что Фрэн... — Джеймс испуганно замолчал.

— Да, — кивнул Ричард. — Но отец считает, будто с этим можно сладить. Артефакторы уже придумали, как бороться с личными проклятиями. С родовыми все обстоит намного хуже, но наука не стоит на месте. Мой отец тоже одаренный. Он не учился на артефактора, но много читал и иногда мастерит кристаллы, ищет новые рунные узоры. Думаю, он что-то придумал.

— Я слышала, любое проклятие можно снять, — задумчиво проговорила Фрэнни.

ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ ДЖЕЙН.
ВРАГИ

— Я тоже про это слышал, — ответил ей Дик. — И даже знаю, какое условие у вашего. Только пока никто не смог его выполнить.

— И какое же условие? — спросил Джеймс.

— Проклятие снимет прямой потомок Томаса Кавендиша, который пожертвует своей любовью ради долга и жизнью — во имя любви, — торжественно процитировал Ричард.

ГЛАВА 1

ПОТОМОК ЛАВОЧНИКА

12 лет спустя

Ровно в полночь под окнами особняка, принадлежащего сэру Артуру Грею, грянул траурный марш. Музыканты неспешно шли вдоль чугунной ограды, старательно выводя свои партии. Мрачно гудели трубы, звонко и зловеще грохотали тарелки, медленно и торжественно стучали барабаны.

Сэр Артур подскочил на кровати, не понимая, что происходит. От адовой музыки дребезжали окна, трясся пол и задергался в нервном тике правый глаз благородного лорда. В коридорах зазвучали испуганные голоса. На псарне завывли собаки. К ограде устремился дворецкий Картер, одетый в одно исподнее. Его ночной колпак слетел с головы и остался лежать белым пятном на ступенях парадной лестницы.

— Что происходит, черт поberi?! — возмутился сэр Артур, но никто ему не ответил.

Слуги были озадачены точно так же, как и хозяин.

Приникнув к окнам ведущей в холл галереи, обитатели особняка наблюдали за происходящим. Вот Картер добежал до ворот. Оркестр замолчал. В этот момент тишина показалась настоящим даром небес, но... долго она не продлилась. После краткой паузы музыканты заиграли что-то еще более зловещее и заунывное, а взволнованный дворецкий опрометью побежал обратно, забыв о своей степенности.

Сэр Артур направился в холл, желая немедленно узнать, кто посмел тревожить его ночной покой.

— Полицию! Срочно... полицию! — задыхаясь, сообщил Картер, держась за бок и силясь отдышаться.

— Кто эти люди? Чего они хотят?

— Они... говорят... — Дворецкий посмотрел на потолок, точно призывая Господа в свидетели. — Они говорят, что хоронят правосудие Альбии...

— Мерзавцы! — возмутился сэр Артур. — Наверняка это все проделки трутней из Клуба весельчаков. На прошлой неделе я приговорил пятерых из них к штрафу за нарушение общественного спокойствия. Джеймс Кавендиш обещал, что запомнит «мою любезность».

— Джеймс Кавендиш, сэр? Неужели сам граф Сеймурский? — спросил дворецкий.

— Да, он самый. — Сэр Артур потер переносицу. — Джеймс Эдвард Кавендиш, президент и основатель Клуба весельчаков. Родовитые предки этого юноши устали ворочаться в своих гробах, глядя на его художества. Свяжитесь с полицией, — приказал он, направляясь обратно в спальню, чтобы переодеться. — Хотя, думаю, музыканты скоро уберутся: они выполнили свою роль. Что ж, я знаю, кто поможет мне привлечь к ответственности затейников из клуба...

Повинуясь небрежному взмаху руки сэра Артура, Картер послушно направился к расположенному в переговорной кристаллу связи и вызвал полицию — необходимо было сделать заявление о происшествии.

— Ричард, зайдите ко мне, — приказал сэр Артур Грей, проходя мимо скромной конторки, доверху заваленной бумагами.

— Да, сэр.

Дик с готовностью отложил документы в сторону. С утра секретари уже натащили целую гору жалоб и прошений, при одном взгляде на которую Кавендиш-младший начинал неудержимо зевать. Должность помощника судьи никогда не была пределом его мечтаний, но выбрать не приходилось, и вот уже пару месяцев он честно пытался не засыпать, разбирая бесчисленные бумаги. Невыплата долгов, хулиганство, нарушение общественного спокойствия, мелкое воровство, дележ наследства... Нет ничего скучнее, чем проверять, в порядке ли документы, правильно ли они оформлены, все ли в наличии...

Лорд Грей, мировой судья Ландерина, столицы благословенной Альбии, приходился молодому человеку дядей по материнской линии. Из сугубо родственных соображений он согласился взять к себе далеко не самого успешного выпускника Даргфордского университета. Ричард Кавендиш, при его весьма средних успехах в учебе и незавидных связях, едва ли мог рассчитывать на лучшее место, а возможности жить на семейные средства у него не было: годовой доход его отца не превышал шестисот кингов — этого хватало на содержание прислуги, скромный дом и сравнительно достойную жизнь, но не более того.

Вильям Кавендиш ожидал от сына грандиозных успехов и, разочарованный результатами, потребовал, чтобы непутевое чадо вернуло деньги, израсходованные на обучение. Глава семейства был весьма депотичен и не любил неоправданные расходы, а достижения Ричарда в боксе и спортивной гребле не могли компенсировать его неумение заводить нужные связи и втираться в доверие к «правильным» людям. За время учебы Дик обрел лишь одного друга, которого Вильям Кавендиш всецело одобрял, — маркиза Алтона, сына герцога Эксетера, но, по мнению почтенного родителя,

и это знакомство молодой человек не использовал так, как мог бы...

Зайдя в свой кабинет, судья придержал дверь, пропуская помощника, потом взмахом руки позволил ему занять кресло для посетителей.

— Ричард, я правильно помню, что вы учились вместе с молодым графом Сеймурским? — спросил лорд Грей, подойдя к книжным полкам и рассеянно рассматривая корешки одинаковых черных книг с золотым тиснением.

— Да... сэр, — озадаченно ответил Дик, не ожидавший подобного вопроса.

— И что вы можете о нем рассказать?

Ричард задумался, а потом медленно произнес, старательно подбирая слова:

— Он... умный и способный... один из лучших студентов... Преподаватели были им довольны, несмотря на... некоторое... легкомыслие. Увлекается фехтованием на рапирах. Дважды чемпион университета. Меткий стрелок. Очень общительный и... остроумный.

— Меня не интересуют абстрактные достоинства этого юноши, — ворчливо перебил его судья. — Я хотел бы знать, какие у вас с ним сложились отношения и поддерживаете ли вы их сейчас.

— У нас с графом... мало общего... — Дику не сразу удалось подобрать корректную замену эпитету «высокородный ублюдок». — И разные увлечения.

— Это радует, — пробурчал себе под нос лорд Грей. — Скажите, Ричард, почему вы не являетесь членом Клуба весельчаков? Насколько мне известно, туда вхожи очень многие недавние выпускники Дарффорда.

— Боюсь, у меня не самые лучшие отношения с основателем и президентом клуба...

— ...которым и является граф Сеймурский, не так ли? — продолжил за него судья. — А заодно, вероятно, вашего текущего дохода не хватит на ежегодный взнос. Но, если исключить подобные нюансы, вы бы хотели примкнуть к этим... «достойным» джентльменам?

— Боюсь, что нет, сэр. У нас с ними... разные представления о... веселье.

— Тем не менее ваш друг, маркиз Алтон, частенько проводит вечера в этом клубе.

— Простите, сэр, я не понимаю... — Ричард, которому порядком надоел странный допрос, вопросительно посмотрел на судью.

— Я бы хотел, чтобы вы с помощью маркиза Алтона стали действительным членом Клуба весельчаков.

Дик молчал, ожидая продолжения, и оно вскоре последовало:

— В последнее время выходки этих бездельников становятся все более дерзкими. Распоясавшихся повес просто необходимо призвать к порядку. И потому мне нужен свой человек в их рядах.

— Вы же понимаете, сэр, что я плохой кандидат.

Идея возобновить знакомство с Джеймсом Кавендишем, мягко говоря, не привела Ричарда в восторг.

— Другого кандидата, которому можно доверять, у меня нет. — Судья сердито посмотрел на племянника и сообщил ему: — Средства выделю. Столько, сколько нужно. И буду оплачивать все расходы. Уверен, вы сможете договориться с маркизом насчет протекции. Президент клуба — должность, конечно, весомая, но и у нее есть ограничения, а у вас есть друзья.

— И для чего это нужно?

— Лорд Сеймурский осторожен и ни разу не попался полиции. Как правило, он предпочитает действовать чужими руками, но, учитывая его репутацию отчаянного дуэлянта и авантюриста, готов держать пари, что так